

О слепом от рождения и трансформации греха

Мне хотелось бы поразмышлять с вами о девятой главе Евангелия от Иоанна. Это размышление не будет обычным комментарием, а скорее – попыткой поэкспериментировать с той ситуацией, в которой мы находим себя, когда обращаемся к этому тексту. Нас будут интересовать такие вопросы, как кто читает этот фрагмент и с кем мы себя идентифицируем, читая его. Это будет попыткой начать задумываться об определённых основополагающих моральных нормах, о том, как мы говорим о них и живём более или менее в согласии с ними. Я не обещаю потрясающих заключений, поскольку это будет попыткой экспериментального подхода к предмету. В моём намерении нет желания быть причиной возмущения, а только желание инициировать дискуссию, которая сделала бы христианскую жизнь ещё более полной. Таким образом, мы попробуем отыскать богословский метод, которым я сам ещё не овладел, но который, я надеюсь, мог бы стать подспорьем в возрастании всех нас.

Чудо как урок богословия

Давайте начнём с текста. На первый взгляд, перед нами история чудесного исцеления. Это история слепого от рождения человека, в одну из суббот (шаббат) получившего от Иисуса зрение, и всего, что случилось со свидетелями того оздоровления и теми, кто слышал о нём. Если бы та история оказалась в синоптических Евангелиях, то, вероятно, она на этом бы и закончилась – в Матвее, Марке и Луке достаточно ей подобных. Я уверен, что в основе этой истории лежит подлинный случай оздоровления Иисусом в субботу. В повествовании Иоанна, однако, самому «чудодейственному оздоровлению», как и субботе, уделяется очень мало внимания. Точнее, о субботе евангелист говорит в очень свойственной ему манере, о чём будет сказано далее. Смысл истории следует искать в дискуссии о грехе, зрении, слепоте и суде, которая, как замечательная оправда, сделанная искусным ювелиром, помогает сфокусировать внимание на драгоценном камне – исцелении.

Давайте посмотрим на начало истории. Иисус видит от рождения слепого человека, и ученики Иисуса спрашивают Его:

«Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?»
(9:2)

Иисус им отвечает:

«Не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того*, чтобы на нём явились дела Божии.» (9:3)

Вся последующая история в Евангелии – это иллюстрация к ответу Иисуса. Думаю, мы все когда-либо слышали эту историю, как и стандартный комментарий к ней: в те времена люди обычно искали моральные причины в физическом зле – болезнях, природных катастрофах и подобном, но Иисус отвергает такое мировоззрение, присущее примитивной религиозной культуре (и вполне распространённое в нашем обществе), и даёт свой божественный ответ на эту проблему. Хоть такая интерпретация в некоторой мере справедлива, она так и не раскрывает всей сущности евангельской истории.

В конце истории прозревший слепой, увидев Иисуса, исповедал Его Сыном Божиим и поклонился Ему. На что Иисус ответил:

«На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы.» (9:39)

И далее по тексту:

«Услышав это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы *на себе* греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас.» (9:40-41)

Таким образом, весь фрагмент начинается и заканчивается темой греха, а слепота и зрение становятся формой для размышления о чём-то гораздо большем, чем здоровые глаза. Последняя фраза Иисуса останется загадкой, если не разобраться в том, что произошло ранее, после вопроса учеников о слепом от рождения человеке.

История приобщения

Как будто две истории переплелись в девятой главе Иоанна: одна – приобщения, другая – отвержения. Первая история очень проста. Был человек с недостатком, незрячий – творение его было незаконченным. Он не только не мог довольствоваться чем-то естественно добрым, свойственным человеку, но из-за дефекта он был также отлучён от полноты участия в жизни Израильского народа. Его физический недостаток имел религиозные последствия, поскольку только физически безупречные могли быть священниками – точно также, как в жертвоприношении использовались только ягнята без порока. Ритуальное отвержение, однако, ведёт к гораздо более важным последствиям: поскольку ритуал служит для поддержания чистоты и благополучия всей группы, то физический недостаток, подразумевающий ритуальную неполноценность, подразумевает также и моральную неполноценность. Именно поэтому ученики, будучи простыми людьми своего времени, и заключили, что физическая слепота указывает на какого-то рода моральную проблему, откуда и родился их вопрос: «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (9:2).

Заметьте, каким образом развивается эта логика: дефект отлучает; то, что отлучает от группы, отлучает также от всего механизма, с помощью которого группа получает своё благополучие; отсюда следует, что то, что отлучает, имеет моральный характер. Таким образом, результат процесса, сам факт бытия исключённым из благополучия группы, принимается за причину, а именно, за злодеяние – «Кто согрешил?» Это своеобразная логика очень распространена, а даже свойственна нам. Она повсюду и проявляется в разных формах, хотя сущность у неё одна: возложение вины на жертву. Согласно подобной логике, жертва изнасилования наверняка спровоцировала всё сама. Или темнокожие потому отстают в своём социально-экономическом положении, что они на самом деле тупее и ленивее, чем другие. Или если кто-то заболел СПИДом, то это наказание от Бога за извращения. Мы все носители этой логики, проявляющейся по-разному, но особенно явственно у детей: если что-то плохое случается дома или родители ссорятся, или пьют, или разводятся, то каким-то странным образом в этом виноваты мы. И всё наладится, если мы только станем

послушными, дав обеты Богу или какому-нибудь святому. Подобный способ мышления называется магией и мы все, рано или поздно, должны были бы из него вырасти.

Мышление Иисуса далеко не магия: Он не только не следует этой ментальности, а трансформирует её изнутри, принимая слепого человека и восстанавливая его единство с собственном народом. Сначала Он плюёт на землю, делает грязь из неё и помазывает глаза слепого. Здесь за греческим языком Нового Завета прячется тонкий каламбур на иврите: из глины, *adamah*, Бог создал «Адама», т.е. человечество (Быт 2:7). То, что делает Иисус, не что иное, как завершение процесса творения. Рождённый слепым, человек не получил своей полноты и Иисус восполняет её, добавляя недостающий кусочек глины. Слепой всё ещё не прозрел, и Иисус отправляет его в купальню, где происходили окунания ритуального очищения. Когда слепой выходит из воды, он начинает видеть. Упоминание купальни Силоам в этой истории обычно интерпретируется как образ крещения, и это абсолютно правильно – крещение в первую очередь является или, по крайней мере, должно быть, обрядом приобщения. Поэтому в нашей истории ещё более важным, чем намёк на обряд является то, что иудейская купальня Силоам становится местом приобщения слепого к полноте еврейского народа. До этого момента слепой не проронил ни слова. У него нет ни голоса, ни имени, его узнают по его самой важной особенности – слепоте и нужде попрошайничать. Даже когда он начинает видеть, люди продолжают говорить *о нём*, не называя имени, до того момента, пока бывший слепой не прерывает их всех: «Это я». С этого момента они соизволяют обращаться и говорить *к нему*, а не *о нём*.

Он же сам не знает практически ничего об Иисусе, он даже не видел Его, поскольку зрение вернулась к нему у купальни. Вся дальнейшая история это постепенный процесс осознания бывшим слепым того, кем Иисус является. Допрашиваемый фарисеями, он утверждает, что Иисус – пророк. Вполне разумное заключение – всё равно, что любой из нас, получив нежданное исцеление, назвал бы своего целителя святым. Начальники¹ не поверили, что он был слепым на самом деле, и решили искать доказательств, расспрашивая родителей. Те же отвечают, что он уже взрослый и может всё сказать сам. Таким образом, перед нами ещё один момент приобщения: он уже взрослый и может отвечать за себя. Сам же бывший слепой, зная о своём исцелении, становится упрямее перед лицом тех, кто допрашивает его. Его ответы теперь длиннее, более смелые и резкие. В ответ на утверждение, что Иисус – пророк, фарисеи хватаются за самого главного пророка, Моисея:

«Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он.» (9:29)

На что прозревший слепой отвечает с абсолютной ясностью:

¹ В тексте Евангелия – иудеи, евреи (*οἱ Ἰουδαῖοι*). Было бы неверным утверждать, что автор Евангелия от Иоанна желал подчеркнуть этническую или религиозную принадлежность оппонентов Иисуса в противоположность Ему или исцелённому слепому, так же как и во всех остальных подобных случаях в Евангелии от Иоанна. Такое неудачное прочтение текста в своё время послужило укреплению антисемитских взглядов среди христиан. Наиболее верным переводом, исходя из контекста, будет «начальники», т.е. те, кому принадлежала власть в еврейском обществе. Подробнее об этом говорит документ Папской Библейской Комиссии «Интерпретация Библии в Церкви» (1993). – (Прим. пер.)

«Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего.» (9:30-33)

Заметьте здесь важную грамматическую игру: фарисеи употребляют *мы*, исключая прозревшего слепого:

«Ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики.» (9:28)

Прозревший слепец отказывается участвовать в этой игре, засчитывая в *мы* себя вместе с фарисеями:

«Мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает.» (9:31)

Он, таким образом, ищет объективной дискуссии, начиная с общей позиции бытия потомством Моисея, так же как и фарисеи. Он продолжает:

«От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному.» (9:32)

Говоря «от века», Иоанн имеет ввиду «от сотворения мира»: только Творец мог совершить акт завершения творения. Если Иисус не был от Творца, то Он не мог бы совершить этого акта. Прозревший слепец увидел полный смысл глины, *adamah*: в его лице Бог завершил творение Адама. Из получеловека без голоса и принадлежности он стал приобщённым взрослым и, более того, прекрасным интерпретатором сущности Бога. Незадолго после того Иисус нашёл его и спросил, верит ли он в Сына Божьего. Прозревший слепец не узнал Иисуса, ведь он никогда не видел Его. Когда Господь раскрывает Себя, человек, прославляя, простирается у Его ног: теоретическое знание того, что завершивший его творение должен быть от Бога, становится полноценным видением и исповеданием Бога в своей жизни. Теперь он стал полноценным человеком, христианином в нашем понимании: тот, кто исповедует Иисуса как Того, Кто завершил его творения и таким образом приобщается к жизни Бога – жизни бесконечной.

История отвержения

История приобщения – это только полпути. В Евангелии от Иоанна история приобщения тесно переплетается с историей отвержения. Отверженным в самом начале мы видим слепого человека. Он вызывает интерес у некоторых прохожих и становится причиной их размышлений о загадочной природе моральной причинности всех физических несчастий. В привычном порядке мира существование отверженных не вызывает проблем, скорее даже – как мы скоро в этом убедимся, – этот порядок держится на их существовании. Поэтому насколько слепой человек приобщается к единству, настолько он провоцирует сначала интерес, а затем непринятие.

Исцеленного слепого ведут к фарисеям, у которых сразу же находится критерий судить: случившееся в субботу, в шаббат, исцеление не могло быть от

Бога. Их возражение гораздо интереснее, чем может показаться на первый взгляд. Бытие говорит о Боге, что после сотворения мира Он отдыхал в седьмой день. Поэтому заповедь соблюдать шаббат – это строгое предписание имитировать Бога. Тот, кто не делает того, – грешник, поскольку не слушается Бога и не наследует Его, что в принципе одно и то же. Здесь мы снова встречаемся с замыслом Иоанна, который можно распознать и в других фрагментах Евангелия. В пятой главе Иисус исцеляет немощного в субботу, за что начальники иудейские укоряли Его. Иисус же заявил им в ответ:

«Отец Мой доныне делает, и Я делаю.» (5:17)

В этом ответе – формальное отрицание того, что Бог отдыхает в шаббат, так же как и утверждение того, что творение ещё не закончено, а поэтому Иисус продолжает творить, чтобы творение приобрело свою полноту. Возвращаясь к девятой главе, стоит заметить, что когда в начале всей истории ученики спросили Иисуса, кто согрешил, что этот человек родился слепым, Иисус им ответил, что ни сам он, ни его родители не согрешили, а всё это для того,

«чтобы на нем явились дела Божии.» (9:3)

Для Иоанна и суббота, и исцеление, и продолжение творения составляют одно целое: исцеление в шаббат случилось для того, чтобы сотворяющая Божья сила была явлена через Иисуса. Поэтому настоящая причина разлада между фарисеями и Иисусом в их различном понимании того, кем Бог является и как Он творит. Для первых суббота отделяет тех, кто соблюдает её, а поэтому хороший, от тех, кто не соблюдает, а поэтому плохой. Для Иисуса суббота – символ незавершённого творения и шанс для Бога показать своё любвеобилие к людям, – Бога, чья сущность в безграничной созидательности.

Исцеление слепого в субботу поставило под сомнение всю мировоззренческую систему фарисеев, расколотых теперь на два лагеря. Для одних

«Не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы.» (9:16)

Другие же задумались:

«Как может человек грешный творить такие чудеса?» (9:16)

Раскол – то, что меньше всего нужно было фарисеям в этот момент. Пока есть человек, чьё исцеление бесспорно и несомненно, два объяснения возможны: либо оно от Бога, либо нет, т.е. результат какого-то дьявольского обмана. Разумная дискуссия не смогла бы примирить их всех, убедив отдать предпочтение одному из объяснений. И выход был найден быстро: отрицать, что исцеление имело место. Для этого фарисеи призывают родителей прозревшего слепого, домогаясь «правды» о их сыне.

Представьте себе реакцию родителей, прекрасно знающих, что их сын не видел от рождения, но теперь прозрел, и оказавшихся в центре толпы негодующих праведников, отчаянно ищущих способ дать ход своей праведности. Отвечая, родители осторожно ограничиваются самым минимумом: их сын был от рождения слепым и они абсолютно не имеют понятия, что случилось, что он

стал видеть. Они хотят вырваться как можно быстрее из этой толпы, в любой момент способной захлебнуться насилием, и бросают назад в неё своего сына, но теперь уже в новой ипостаси – взрослого и способного самостоятельно объяснить всё, что случилось с ним. Они спасаются от перспективы стать жертвами группы праведников, принося им взамен своего сына.

Первая попытка фарисеев разрешить проблему, отрицая реальность и существование самой проблемы, потерпела крушение. Теперь надежда остаётся на прозревшего слепого. Они говорят возвышенным, судейским тоном серьёзных людей, которым предстоит рассуждать о важных вещах правового характера. Сначала они предлагают исцелённому своё предположение: этот человек, Иисус, без сомнения грешник. Они пытаются впечатлить его подходящей юридической фразой: «Воздай славу Богу,» – означающую: торжественно признай этот факт. Иоанн, конечно же, употребляет эту фразу с совершенной иронией: именно отказываясь назвать Иисуса грешником и будучи отверженным за это, прозревший слепой на самом деле «воздаёт славу Богу». Фарисеи не смогли создать заново единство группы самым простым способом – отрицая сам факт исцеления. Для них теперь важно придти к единодушному согласию о том, как интерпретировать факт исцеления. Это всё равно, что сказать: «Оставайся со своим чудом, поскольку мы ничего не можем поделать с его фактом. Но, будь добр, согласишься, что прозрение твоё не от Бога, а от того, кто противится Ему. То есть, это неважно, что случилось на самом деле, если ты согласен с нашей интерпретацией. Мы, таким образом, сохраним своё единство, а ты сможешь приобщиться к нему, быть вместе с нами.»

Прозревший слепой отвечает одними из наиболее потрясающих строк нашей религиозной традиции, к которым нам следует отнестись с огромным вниманием:

«Грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу.» (9:25)

Он проявляет отсутствие какой-либо заботы о моральном характере происшедшего, здоровый агностицизм, и твёрдо держится несомненного блага – очевидного изменения в его жизни. Следуя своему агностицизму, он одновременно отказывается присоединиться к солидарности в противопоставление Тому, кто исцелил его. Он отказался имитировать своих родителей, бросивших его в эпицентре растущего гнева. Он мог поступить точно также, сказав: «Конечно Он грешник», – и приобретённое зрение сохранив, и спасшись от насилия, став вместо того членом «клуба приобщённых» и оставив Иисуса единственным адресатом гнева растревоженной группы. Чтобы так поступить, ему довелось бы дать под присягой ложное свидетельство, но ведь недостатка в желающих солгать, если случай на то подвернётся, никогда не было.

Прозревший слепой, однако, отказывается принять интерпретацию группы, и фарисеям снова приходится искать разрешения проблемы. Разочарованные нежеланием прозревшего присоединиться к ним, они снова спрашивают, что Иисус сделал: возможно, в самом описании событий найдётся нечто, что поможет увидеть в происшедшем грех. Они уже слышали описание событий во всех деталях, но, быть может, если послушать снова, какие-то элементы магии станут очевидными – любое, что позволило бы сказать: «Ну видите – Он сделал зло для чего-то доброго, а поэтому исцеление не от Бога».

Защищаясь, бывший слепой начинает высмеивать всё более старательные попытки группы найти правомерную интерпретацию, которая позволила бы им сохранить своё единство. Он спрашивает, не хотят ли они сами стать учениками Иисуса, ведь детальные расспросы о чуде могли иметь причиной либо льстивое желание имитировать, чтобы быть способными делать то же, либо – как в данном случае, – желание избавиться от объекта собственной зависти. Именно эта ремарка спровоцировала взрыв оскорблений. До этого момента фарисеи не оскорбляли прозревшего человека. Если бы мы могли спросить любого из них, что они делают, ответ наверняка был бы, что всё происходящее – из симпатии к бывшему слепому, ведь этот бедный человек не сделал ничего плохого. Он стал жертвой злодеяния кого-то ещё – Иисуса в данном случае, – и не понимает всей опасности происходящего для него. По существу, если бы только удалось его убедить в той интерпретации событий, которую фарисеи предложили ему, он был бы в полном порядке и одним из группы «своих», «хороших парней». Всё это ради его же пользы, его спасения. Только когда они понимают, что прозревший слепой не верит в искренность их усилий повести его по праведному пути, они изменяют своё отношение. Хоть они и понимают, что человек, стоящий перед ними, не ученик Иисуса – ведь он даже не знает Его, – они видят также, что он держится независимо от группы праведников и их мнения. Именно поэтому бывший слепой становится предметом издевательств: «Мы пробовали вразумить его, использовали всякую возможность показать истинный путь, но он упорствует в своём заблуждении». От мягких аргументов они переходят к оскорблениям.

Первым шагом в этом процессе становится не терпящее возражений утверждение добродетельного характера группы и их убеждённости в собственной правоте. Именно это позволяет им вернуть утраченное единство. Прозревший слепой разрешил разногласия, став центром их внимания и единства. До этого они были неспособны сказать с уверенностью *мы* из-за расхождений между собой в интерпретации событий. Теперь же они стали вместе, способные произнести громкое *мы* в противоположность выразительному *ты*:

«Ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики.» (9.28)

В то же самое время, как фарисеи становятся всё более сплочёнными, слова того, кто в центре их толпы рискует стать жертвой их гнева, приобретают ещё большую ясность и богословскую аргументированность, свойственные скорее доктору богословия, чем нищему. Глаз яростного урагана остаётся центром покоя и откровения: бывший слепой уверяет, что причину его исцеления нетрудно разглядеть. Бог не мог бы действовать через Иисуса, если бы Тот был грешником, и что никто не слышал, чтобы кто-то ещё, кроме Бога, мог созидать «из ничего». А поэтому:

«Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего.» (9:33)

Его размышление вполне логично, но динамика происходящего уже не терпит логики и ведёт в конце концов к откровенному отвержению прозревшего. «Праведным» дискуссия больше не нужна: они получили, чего хотели, а именно – единство своей группы, и теперь обычных оскорблений уже

недостаточно. Теперь они смело отождествляют своего оппонента с грехом, он – оскверняющий элемент для них, и они отвергают его.

Заметьте логику событий. Фарисеи не приходят поодиночке к заключению об абсолютной греховности прозревшего и после долгового размышления изгоняют его. Совсем иначе: их единство рождается в результате отождествления человека с грехом и его изгнания. Его не отвергли бы, если бы он не был грешником, и он не был бы таковым, если бы не понадобилось его изгнать. Мы снова вернулись к магии: если некто отвержен, например, из-за слепоты, то, очевидно, где-то случился грех.

Трансформация греха

Вы, наверное, уже заметили, что истории приобщения и отвержения не существуют сами по себе, что они переплетаются, и что приобщение в каком-то смысле провоцирует отвержение. Также и история отвержения создаёт контекст и завершает историю приобщения: в бушевании бури изгнания прозревший слепой начинает видеть с потрясающей ясностью смысл всего происходящего и то, кем является Иисус.

Завершающие фразы Иисуса о слепоте и зрении как раз и являются комментарием на двойственную историю приобщения и отвержения. Сначала Он говорит, что принёс суд, приговор или суждение, – любое из этих слов передаёт суть. Этот суд или приговор, нереализованный до Его смерти, является разрушением изнутри, трансформацией того, что мир принимает за грех, за добро и справедливость (ср. Ин 16:8-11). Начиная с Его смерти, грех, добро и справедливость будут пониматься с точки зрения отверженного, гонимого, а не гонителей. Невинная жертва – уполномоченный судья именно в силу бытия жертвой. Подсудимые – это те, кто думали, что право судить принадлежит им. Таким образом, вся история прозрения слепого – это пророческий комментарий на будущие события и их результат, а именно то, что праведники, «хорошие парни», – те, кто думает, что им дано видеть, – не смогут вечно сохранять своё благоприличие, отвергая тех, кого они называют злом, грешниками или слепыми. Это тот самый механизм, который сделал невозможным для аргентинского и чилийского диктаторских режимов сохранять спокойную совесть, несмотря на многочисленные амнистии и помилования, потому что после смерти и воскресения Иисуса – после определения праведности, справедливости и Бога по-новому, с точки зрения жертвы, – было невозможным для диктаторов и их приспешников навсегда отвести подозрение, что их жертвы, которых они выбрасывали с самолётов в океан, были невинными. В конце концов, ни идеология национальной безопасности, ни ссылки на абсолютную извращённость оппонентов-коммунистов не смогли оправдать веры в то, что они – «хорошие парни», а их жертвы – преступники.²

Это значит, что для Иисуса двоякий характер истории приобщения и отвержения – парадигмальная особенность процесса трансформации сущности греха. Давайте ещё раз посмотрим на этот процесс. Тот, кто был слепым, приходит к пониманию того, кем Бог является и что и как Он делает, каким образом Его созидательный переизбыток жизни делает возможным и желанным для Него жизнь и развитие каждого человека. Слепой только принимает дар, предложенный ни за заслуги, ни как приз за победу. Он просто растёт, развивается в эпицентре бури нетерпимости, твёрдо держась простой идеи

² Или, как в поистине сатанинской интерпретации притчи, озвученной в своё время одним из аргентинских капелланов, что прислужники режима – пшеница, а их жертвы – тернии.

справедливости: не называй злоумышленником того, кто сделал тебе добро, и не поддерживай тех, кто хотел бы называть его преступником. И это всё. Гонители же, в свою очередь, тоже растут – в чувстве безопасности и уверенности в собственной правоте, доброте и единстве, – в той степени, в которой логика отвержения овладевает их решениями и поступками. В результате, грех оборачивается чем-то совершенно иным: не дефектом, который позволяет отлучать его носителя от группы праведников, а соучастием в механизме отвержения.

У Бога не будет затруднений привести к полноте творения того, кто так или иначе незавершён ещё и осознаёт это. Проблема в тех, кто уверен в своей полноте, уверен в том, что созидание по крайней мере их самих уже завершено, и поэтому они думают, что правильным было бы сохранять уже установленный порядок всеми доступными средствами. Добро, таким образом, определяется по отношению к единству группы за счёт и в противопоставление отверженному грешнику. Уверенные в способности видеть, праведные члены группы становятся незрячими в процессе удерживания того порядка, который, по их мнению, нуждается в их защите. И вот здесь становится понятным более глубокое значение, которое субботе, шаббату, придаётся в Евангелии от Иоанна: либо мы делаем заведённый порядок центром нашего внимания и критерием распознавания добра и зла, – и в таком случае сопротивляемся Богу, единственному, кто без отдыха и остановки способен приводить в бытие вещи несуществующие, – либо мы принимаем созидательную добродетельность Бога, ведущего нас самих к изобилию, преизбытку жизни. Грех – это сопротивление во имя Бога созидательному действию Бога, ищущего приобщения каждого.

Мне кажется, что эта трансформация греха достойна самого пристального внимания. Позвольте переформулировать всё, уже выше сказанное, в более короткой и точной фразе: *Грех перестаёт быть дефектом, ведущим к отвержению, и становится соучастием в механизме отвержения.* Нам понадобилось так много времени, чтобы придти к этому, потому что мне хотелось бы сделать очевидным, что вещи, о которых мы говорим тут, не случились из-за какой-то безумной щедрости, свободомыслия, или безразличия Иисуса. События, о которых мы говорим тут, – это богословское упражнение абсолютной важности, это слово, откровение Божье. В этой истории нам предлагается нечто фундаментальное: не закон, не моральное увещание, а переосмысление значения греха. Для людей грех – одно, а для Бога – нечто иное, не просто отличное от нашей версии, а целиком противоположное ей.

Заметьте снова: Евангелие предлагает нам не закон, не статический критерий, не объясняющую теорию, а динамическую историю приобщения и отвержения. Именно эта динамическая история становится критерием для суждения об этической стороне человеческих поступков. Более того, это не нечто, чем мы можем овладеть или выучить на память раз и навсегда, потому что сущность этой истории в необходимости постоянного распознавания механизма соучастия. Если эта история – слово Божье, то это слово действует среди нас как элемент, подвергающий сомнению наши понятия порядка, добродетели, ясного морального восприятия и т.д. Поэтому этическая жизнь совсем не должна заключаться в сражениях за то или иное неоспоримое видение добра. Её смысл гораздо более тонок.

Где мы стоим?

Как и я, вы, наверное, тоже немедленно увидели положительных и отрицательных персонажей в евангельской истории о слепом от рождения человеке. Оставив на минуту Иисуса в стороне, прозревший слепой – положительный герой, а фарисеи – отрицательные. Вполне естественно, что наши симпатии на стороне исцелённого человека, а презрение уготовано фарисеям. Ставить себя на сторону жертвы – это что-то вроде культурного императива, который вполне может иметь позитивную роль. Например, для тех, кто чувствует себя социально и морально отверженным, к кому относятся как к неполноценному, абсолютно важно открыть для себя, что чувство отверженности или дефективности не имеет никакого отношения к Богу, а является результатом исключительно социального механизма. Бог же скорее желает вовлечь и вести нас к полноте жизни, что вполне может вызывать гнев у приверженцев принятого порядка. Этот императив очень важен, и я не знаю никого, кто не был бы способен тем или иным образом в какие-то моменты своей жизни идентифицировать себя с жертвой. Проблема возникает от того, что идентификация себя с жертвой может быть использована для битвы других. Жертвы собираются в группы праведников для того, чтобы отвергнуть бедных фарисеев, которых всегда в достатке для всеобщего осмеяния.

Мне кажется, что девятая глава от Иоанна требует от нас не останавливаться на простой перемене ролей, которые мы до сих пор обозревали. Как результат культурных обусловленностей, которые не могут нами быть так просто отменены, нам очень легко идентифицировать себя с отверженными и гораздо труднее – с праведниками, гонителями. Именно по этой причине, я думаю, евангельский текст требует от нас попытаться прочесть его с долей симпатии к фарисеям. Мы не заметим всей силы текста, если позволим себе укрыться от страшного потрясения, которое он уготовил для наших понятий о добре и зле. В мире, где никто не понимает жертву, мы сделали бы правильно, став на её сторону. Мы же живём в мире, где практически никто не признаётся в фарисействе и лицемерии. Поэтому, мне кажется, полноценное моральное развитие подразумевает способность видеть в себе не только жертву, но и человека, способного на двуличие и жертвоприношение.

Я показал уже, как евангельская история выворачивает наизнанку понятие греха. Это то, что следует помнить всегда. Однако, процесс трансформации на этом не останавливается. Прозревший хватается за свою способность говорить – говорить о себе и о Боге. Но именно в этот момент он должен научиться не привносить в свою историю фарисейских элементов, он должен «расфарисеить» её. Когда он обращается к словам, он перестаёт быть изгнанником и должен теперь учиться не быть гонителем. Именно в этом гений морали, изложенной не в законах или добродетелях, а в истории. В ней есть две позиции – жертвы и гонителей, – точно также, как и в притче о блудном сыне, где негодный брат получает прощение, а хороший брат никогда не задумывался о прощении и так и не осознал нужды в нём. Мы никогда не увидим ни силы евангельской истории, ни радикальности божественного выворачивания наизнанку всего человеческого, если не идентифицируем себя с *обоими позициями одновременно*.

Я не думаю, что есть хоть один человек, кто не был бы частично изгнанником, а частично – гонителем, в ком два полюса евангельской истории не существовали бы вместе. В момент, когда моральное суждение становится возможным для нас, мы уже не можем всё время прятаться за ширмой жертвы.

Вместо того, нам следует не закрывать глаза на соучастие наших слов – и прежде всего в религиозном и богословском контексте, – в творении добра за счёт изгнания других.

В этом смысле, я думаю, самым существенным моральным наставлением из Нового Завета является один из тех немногих фрагментов, где Иисус цитирует с полным одобрением Еврейские Писания (Ветхий Завет) – и Он делает это дважды. Это наставление в первую очередь для тех из нас, кто пытается говорить о морали в религиозном контексте:

«Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы.»
(Мт 9:13, 12:7, ср. Ос 6:6)

Это уже не столько укор фарисеям, сколько, так сказать, программа и путеводитель для тех, кто пробует заниматься моральным богословием. Быть добрым, благодетельным невозможно без настоящего, приобретаемого медленно, шаг за шагом и в реальной жизни, опыта отделения религиозных и моральных слов от механизма отвержения, требующего человеческой жертвы. Только тогда те слова будут словами отпускающими, расслабляющими путы, позволяющими творению быть приведённым к его полноте. А это значит, что нет дороги к добродетели, которая не вела бы нас через осознание нашего собственного соучастия в лицемерии. Ведь только идентифицируя себя с фарисеями, праведниками евангельской истории, мы сможем по-настоящему увидеть, насколько правильной была их процедура, насколько аккуратными, скрупулёзными и законопослушными они были сами, и какими катастрофическими наши добродетели могут быть, если мы не научимся покидать механизм создания единства группы за счёт отвержения того, кого посчитаем злоумышленником.

Претворяя слухи в благовестие

В заключение я хотел бы поразмышлять об истории, которая поставила меня в тупик, – истории из сравнительно недавнего прошлого и иной культуры, чем моя. Касается она событий, происшедших в середине 1990-х с кардиналом Херманом Гроером, архиепископом Венским. Поскольку эти события не имели прямого отношения ко всем нам, я надеюсь, что мы сможем подойти к ним с долей здорового бесстрастия. Как и вы, я не знал лично никого, замешанного в ту историю и узнавал о ней исключительно из газет, которые, несомненно, далеко не всегда предлагают нам полную информацию о сущности событий. Я, таким образом, получал то, что скорее можно назвать церковными сплетнями, – точно также, как и множество других людей. Именно поэтому моя попытка размышления о тех событиях – это не искание правды о событиях как таковых, а, скорее, упражнение в трансформации чего-то жестокого и требующего жертвы – сплетен, – в нечто милостивое, благовестие. И поскольку это всего лишь упражнение, оно, безусловно, открыто для критики, исправления и развития, если читатели того пожелают.

События выглядели следующим образом: весной 1995г. 37-летний мужчина публично заявил о том, что двадцать лет тому назад он несколько раз был в сексуальных отношениях с тем, кто затем стал кардиналом, архиепископом Венским. Обвинителю тогда было семнадцать и в глазах закона он был несовершеннолетним на тот момент (хоть, несомненно, очень многие семнадцатилетние гораздо более ответственны в своей сексуальной жизни, чем

закон хотел бы нас уверить). Двадцать лет назад кардинал не занимал своей высокой позиции, а был, если я не ошибаюсь, бенедиктинским аббатом. Обвинение либо справедливо, либо нет. Если нет, то моральная сторона истории очень проста: кардинал стал жертвой клеветы и клеветы особенно страшной, поскольку всегда и везде развенчание церковного лицемерия вызывает похотливое удовольствие публики. Такое удовольствие, безусловно, можно заметить и в Евангелии, в частности, в отрывке, о котором мы только что размышляли. Его не следует немедленно отвергать как обычное зло. Я подозреваю, что абсолютное большинство вполне благопристойных людей, слышавших сообщения из Вены, немедленно сделали то же допущение, что и я – о вине кардинала. Такое допущение, наверное, вполне естественно основывалось на секрете, известном многим, а именно, что в моносексуальном клирическом мире, так же как и в армии, и в тюрьмах, непростой в своей сущности гомосексуальный «чулан»³ находит благоприятную почву. Результат подобных обвинений особенно жесток, поскольку такие утверждения находят воодушевленное принятие у многих из нас, склонных верить им. Подобного сорта грязь прилипает почти всегда, справедливы ли обвинения или нет.

Таким образом, если обвинение ложно, то моральная сторона данной истории проста: кардинал – жертва, а обвинитель покусился на доброе имя высокопоставленного церковного служителя. Нам следовало бы спросить последнего, зачем ему понадобилось бросать камни в кардинала, заслуживающего теперь нашего сочувствия. Возможно, что в результате расследования и суда не кардинал, а его обвинитель был бы осуждён.

Но представим себе обратное, не утверждая ни истинности, ни ошибочности допущения. Представим, что обвинение имеет под собой почву. 37-летний мужчина заявляет, что двадцать лет назад у него было несколько случаев сексуальных отношений с человеком, гораздо старше него, и занимавшим позицию морального авторитета и власти. Заявляя это, он, насколько мне известно, не говорит ничего о травматическом аспекте тех событий для его юности, хоть, наверное, эмоциональные последствия должны были быть существенными. Мотивацией для публичных признаний, согласно прессе, стало то, что кардинал неоднократно и резко осуждал геев и в проповедях, и в пасторском письме к Австрийской Церкви. Именно протестом против церковного насилия и лицемерия стало откровение 37-летнего мужчины. Затем были сообщения, что ещё четыре или пять человек присоединились к обвинению, заявляя, что они тоже потерпели подобным же образом от рук кардинала примерно в тот самый период времени много лет тому назад. Таким образом, появилось несколько свидетелей, и поэтому ничего удивительного, что общее мнение ещё больше укрепилось в поддержке обвиняющих. Здесь следует помнить, что если обвинители лгали, то они виновны в отвратительном преступлении – сговоре с целью ложного обвинения, для морального линчевания другого человека. Если обвинения оказались бы клеветой, нам пришлось бы серьёзно поупражняться в милосердном и не творящим новых жертв отношении к линчевателям. Возможно, что сам кардинал был бы нам примером и наставником в прощении, ведь его обвинители не знали, что творили.

Однако, давайте представим – как часть следивших за событиями, наверное, и сделали, – что откровения обвинителей не преследовали целью беспричинное унижение кардинала. И что они не были склокой бывших

³ Английское *closet* буквально означает чулан. В контексте гомосексуальности оно приобрело значение хранения секрета своей ориентации от окружающих.

любовников кардинала – тем жалким конфликтом, что может случиться с каждым, где абсолютно не разобрать, кто прав, а кто виноват, а поэтому лучше совсем не обращать внимания. Давайте представим, что ни унижение кардинала, ни обида на своих конкурентов не руководили помыслами обвинителей, а скорее – желание, чтобы и кардинал, и церковные власти в целом перестали швырять камни в гомосексуальных людей.

Теперь ситуация выглядит совсем по-иному. Кардинал уже не жертва, также как и те, кто в своей юности пользовались его расположением (и кто, насколько мне известно, жертвами себя прессе не представляли). Кардинал теперь предстаёт обычным лицемерным фарисеем, говорящим одно, а делающим другое. И вот здесь наши праведные христианские инстинкты начинают ликовать: мы отлично знаем этот образ, мы с лёгкостью идентифицируем кардинала с «плохими парнями» из историй о Иисусе. Некое удовольствие появляется в воздухе, и это удовольствие становится ещё большим, когда мы узнаём, что Гроер – консервативный прелат, и его назначение Ватиканом было частью политики восстановления единомыслия и жёсткого порядка в Центральной Европе в противоположность определённому либерализму, приписываемому бывшему архиепископу Вены кардиналу Кёнигу. Вся эта церковная история выглядит абсолютно типичной попыткой (нелепость таких попыток несколько не умаляется их бесчисленным количеством) спасти ситуацию назначением сторонника жёстких мер, что в результате вызывает ещё больше разногласий и ведёт к ещё более пагубным моральным последствиям в будущем.

Нам следует прерваться для нескольких фактических деталей всей истории, которые были почерпнуты мною из газет. Кардинал отмалчивался на протяжении нескольких недель, отвергая какие-либо комментарии. Вскоре его переизбрали с минимальным перевесом голосов главой Конференции австрийского епископата (здесь следует заметить, что неизбрание его руководителем было бы воспринято как очевидное недоверие со стороны коллег кардинала). Протесты публики были настолько громкими, что через несколько дней кардинал опубликовал заявление, категорически отвергающее обвинения, и подал в отставку с поста главы епископской конференции. Ещё через несколько дней австрийское правительство сделало заявление, дающее понять, что кардинал ушёл с поста архиепископа Вены и его заменил один из епископов. Последнего Ватикан назначил коадьютором (заместителем) архиепископа, а вскоре он занял пост архиепископа Вены и стал кардиналом.

Мы легко можем представить себе всю эту историю как типичную историю-наоборот: тот, кто показался в начале плохишом, оказался положительным героем, а сторонник добра и порядка был развенчан как лицемер и шарлатан, так что всё закончилось хорошо. Безусловно, так можно думать и оставаться в своих мыслях праведным христианином, уверенно опираясь на похожие образы в евангельских историях. Однако, давайте задумаемся ещё раз... Кардинал в конце концов – и кто знает, справедливо или нет, – оказался в ситуации отверженного грешника. В один момент он стал позором и предметом издевательств всего общества. Кто протянет ему руку? Кто будет на его стороне? Конечно, если обвинения были ложны, то мы все оказались перед фактом отвратительной несправедливости, а сам кардинал, по крайней мере, может найти утешение в своей чистой совести. Но давайте представим вслед за прессой и общественным мнением, что он не невиновен. Тогда его ситуация не меньше, а ещё более ужасна: он внезапно оказался

отверженным церковной машиной, которой он верно служил. Возможно, что глубоко внутри он абсолютно не понимает, почему всё это случилось с ним, ведь, в конце концов, он мог ошибиться, но он исповедовал свои проступки и получил отпущение греха. Так почему теперь вся эта грязь должна иметь какое-то значение для Церкви? Представим ещё, что в случае церковника консервативных взглядов он вероятнее всего имел несколько индивидуалистическое понимание греха: если он согрешил, то это его вина и только. Представим также, что он не в состоянии дистанцироваться от происшедшего с помощью социологических понятий, а поэтому не представляет себе, в какой степени его поступки были predeterminedены структурой моносексуальной клерикальной касты с её масштабной гомосексуальностью. Ведь это мир, где очень многие люди участвуют в невероятно сложных играх для поддержания видимости, часто заходят далеко за пределы разумного и творят насилие по отношению к себе и другим, – и всё это из-за неспособности говорить прямо и честно о существенном. Если такая «неспособность говорить прямо и честно» является «правильным» поведением, поощряемым самыми высокими церковными кругами, то почему из-за ошибок и слабостей кардинал должен быть жестоко наказан, когда многим другим получается ускользнуть незамеченными?

Те, кто принимал участие в маргинализации кардинала, в том числе его церковные коллеги, соучаствовали в только с виду христианском выворачивании наизнанку сущности вещей: фарисей был превращён в плохиша. Но разве они участвовали в по-настоящему христианской внутренней трансформации самой истории? Такая трансформация идёт гораздо глубже, чем переворачивание с ног на голову существующего порядка, поскольку она превращает историю обвинений в историю прощения, которая, как таковая, не зависит от порядочности или наших пристрастий к тому или иному её участнику. В нашей истории плохишом, жертвой в кругу праведников оказался кардинал. По мнению некоторых, он заслужил своей участи. Но разве мы можем удовлетвориться тем, что наши сплетни превратились в «благовестие», чей смысл – всего лишь «он получил по заслугам»? Боюсь, что если мы так думаем, то наша праведность не большая за праведность книжников и фарисеев (Мт 5:20).

Помог ли когда-либо кто из нас другому человеку, оказавшемуся в ситуации, подобной ситуации кардинала Гроера? Кто из нас пытался поставить себя на место такого кардинала, чтобы понять механизмы, удерживающие нас в лицемерии, и освободиться вместе, вдвоём, из этих пут? Кто из нас решился говорить открыто, но без ненависти, против насилия церковного чулана, принуждающего притворяться и преследовать, и преследовать ради притворства? Этот чулан – невероятно крепкая система, существующая даже не столько из-за каких-то отдельных порочных личностей, но охотно отдающая себя во власть порока. Поскольку это целая система, структура, мы не можем и не должны говорить о ней в контексте отдельных лиц, каких-то грешников, ведь они будут немедленно изгнаны или вытолкнуты на дно системы, если правда о них откроется. Всё это значит, что мы нуждаемся в настоящем моральном богословии, способном видеть и анализировать структуру, постоянно рождающую порочное поведение, жертвами которого становятся так многие члены самой же структуры – *как изгнанные, так и гонители*.

Пробовал ли кто-либо в традиционной католической Австрии отказаться от привычной нам дихотомии добра и зла, отказаться от радости из-за превращения «хорошего парня» в плохиша, а вместо того взяться за неблагодарную задачу разрушения всей системы лицемерия, принуждающей притворяться и

преследовать других? Мы же сами, замечаем ли мы наше собственное соучастие в похожих, если не идентичных, механизмах и пробуем ли разобраться в насильственной сущности нашего собственного двуличия, чтобы в конце концов стать способными снимать с крючка лицемерия других, подобных нам?

Заключение

Этот текст – попытка прочтения Евангелия таким образом, чтобы нащупать возможные пути для морального богословия, не втянутого в привычный нам моральный дискурс. Безусловно, это всего только начало. Мне хотелось бы, однако, подчеркнуть, что то, к чему христианская вера зовёт нас в моральном аспекте, – не закон и не декорация в христианские цвета добра, на котором настаивает привычный нам мир. Ещё меньше – крестовый поход ради подобных вещей. Христианская вера предлагает нам нечто менее очевидное на первый взгляд, а именно – трансформацию изнутри человеческих достоинств и понятий о добре, в том числе наших собственных. Иными словами, христианская жизнь начинается с падения в осознание нашего соучастия в лицемерии и его потенциально насильственного характера. Начиная отсюда, мы можем начать протягивать руку помощи братьям и сёстрам, которые ни более и ни менее за нас самих преуспели в двуличии, но которые теперь перед угрозой изгнания из «синагоги» теми, кто выглядит крепкими в своём единстве, кто твердо уверен в греховности других. Тогда мы узнаем, что же в обыденной жизни могут значить слова Иисуса: «Милости хочу, а не жертвы».

Текст лекции, впервые прочитанной в Коста-Рике в мае 1995 г. Её английская версия публиковалась в нескольких периодических изданиях и книгах. Перевод по: *Faith Beyond Resentment: Fragments Catholic and Gay* (London: Darton, Longman and Todd, 2001), pp. 3-26.